

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

ЗЕМНАЯ КРАСОТА

РАССКАЗ

Отошли воробьиные ночи. Отгremели луговые грозы. Смётано в стога красное лето. На опустевшем балагане косарей дремлет понурый ворон.

А в старинном сибирском посёлке — праздник: налетело видимо-невидимо птах из ближних и дальних лесов. Поют, заливаются — славят погожее предзимье.

Василий Матвеевич Мишуков вышел в ограду попотчевать кедровыми орехами заявившуюся неожиданно-негаданно в гости шустрюю стайку синиц, и так ему захотелось напиться живой воды из Заветного ключа, что он тут же, несмотря на раннее утро, собрался и пошагал за околицу, где робко белел выпавший третьего дня снежок.

Влюблён в лес Мишуков с детства. Ещё мальчонкой мечтал стать лесоводом, украсить приволжское перестепье и окрестности родного села хвойными борами. Ни полям, ни лугам не страшны будут лютые суховеи, сжигающие всё на своём пути; сельчанам не придётся ходить за полторы версты по хворост в небольшой лесок, вечно гудящий от волчьих жалоб.

Когда началась война, отец уехал на фронт бить фашистов. Мальчонка изо всех сил помогал колхозу, возил снопы, крутил на току попеременке с матерью ручную веялку, собирал со школьной детворой оставшиеся колоски на убранных полях. Каждым зёрнышком дорожили — сдавали государству: хлеб считался не менее грозным оружием, чем знаменитые “катюши”.

ГОРБУНОВ Анатолий Константинович родился в 1942 г. в деревне Мутина Киренского района Иркутской области. Много лет был профессиональным охотником в приленской тайге. Поэт и прозаик. С 1977 года член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Поест русский солдат хлебушка, замешенного на народной беде, и нет ему равных в рукопашном бою.

Васе снились по ночам то зелёные ёжики сосенок, то ёлочки, похожие на куколок, то лисята, играющие в догоняшки... Ни одного счастливого сна досмотреть до конца так ему и не удалось.

— Василий, школу не проспи! — на самом интересном моменте строгим голосом будила мать.

Прогнали врага, отец вернулся домой, и мальчонка в честь великой Победы посадил вдоль родительского огородашки шеренгу берёзок, но саженцы не прижились.

Отец сказал сердито:

— Того и гляди, весь подрост изведёшь. Сажай в срок, и чтобы веточки в те же стороны света смотрели, что и на родном месте. Заметки делай — лоскуточки привязывай, прежде чем выкапывать...

Сколько зарниц отсверкало, сколько дождей отплакало с тех пор — не упомнить. Вася вырос и выучился на лесовода. Попал по распределению в Сибирь и навсегда связал свою судьбу с Байкалом.

Ровесники возводили ГЭС, строили города и заводы. О героях кричали газеты, снимались фильмы. А он, скромный и неприметный, возрождал земную красоту на вырубках и пепелищах, оставленных горластыми комсомольцами.

Прошли годы, и вернулись в обновлённые леса птицы и звери. Ожил пересохший в прострелянном когда-то дробью распадке Заветный ключ...

Мишуков поднялся по крутой тропе на ровнинник, перевёл дух и пошагал под ласковый шёпот деревьев по высветленному насквозь сосновому бору.

Вдруг раздался цокот, и с пенька молнией метнулся в заросли бурундучок.

— Ах ты, пострелёнок полосатый! — вздрогнул, рассмеялся старый лесовод, с любопытством высматривая озорника в паутине колочего кустарника, а тот уже опять сидит на пеньке с ягодкой шиповника в лапках, поглядывает хитро на пришельца: здорово, дескать, я тебя напугал. Беззащитный зверёк. Разорит в зимнюю стужу его кладовую какой-нибудь лесной разбойник, не будет ждать бурундучок голодной смерти, повесится с горя на ветке-рогулке. Таким создала его природа, и ничего тут не поделаешь.

Где-то в голубичнике переливчато и протяжно пропел рябчик:

— “Пять, пять, пять тетеревятников...”

Василий Матвеевич остановился и подтвердил шутливо тонким свистом:

— “Пять, пять, пять тетеревятников, пять!”

Рябчик тут же подлетел и бесстрашно уселся на соседнюю ольху. Кого бояться? Этот человек за всю свою жизнь ни разу охотничьего ружья в руке не держал.

Осенью рябчики разбиваются на парочки, и, любуясь на лесного петушка, Мишуков участливо спросил:

— Невесты не досталось?

И обнадёжил:

— Не волнуйся, будет и на твоей рёлке свадьба.

Чем дальше удалялся старый лесовод от посёлка, тем глубже становился пугливый снежок: у реки он растаял, а здесь, в глухомани, сохранился, по нему можно разгадать сокровенные тайны даже самых скрытных обитателей леса.

Вот из-под корней мохнатого кедра выкатились на белый шёлк снежка и прокатились к пустотелой колодине следочки-бусинки. Их оставил гнус — мизерная мышка с горбатым рыльцем-хоботком. Насторожит охотник ловушку на соболя, гнус источит приманку, да так аккуратно, что ловушка не сработает. Бывает и хуже: попадет в неё соболю, гнус посечёт драгоценный мех.

А вот вокруг сизой лиственницы белочка напорошила чешуйки от шишек. Наелась вволю вкусных семян и спряталась в гайно — круглый домик, сплетённый из гибких веточек на высокой пихте, на нижнем сучке которой наколот сухой обабок. Белочка не тронет гриб, она запасла его для другой. Придёт сюда та, гонимая бескормицей, он и пригодится. Так уж у белок заведено — заботиться друг о друге.

Зорко взглядываясь в струйчатые потоки щедрого солнца, чутко вслушиваясь в таинственные шелесты улыбающегося ему леса, Василий Матвеевич спустился по пропахшей можжевельником покати к весёлой полянке, где под бубен собственного эха шаманит Заветный ключ и стелется по камешкам радостный свет.

Напился живой воды и умылся. Глаза вспыхнули синим пламенем, морщинки на лице исчезли. Сел на вкопанную под ещё неопавшей берёзой лавочку и задумался о своей судьбе. Лучшие годы жизни отдал он лесу, спасая земную красоту, без неё русскому человеку не выжить. Извела старого лесовода печаль: смены нет. У молодёжи на уме — топоры да спички. Мишуков засмотрелся на проворно бегущий к Байкалу ключ, вспомнились знойное приволжское перестепье, родное село, и по щеке скользнула непрошенная слеза: не украсил он отчий край хвойными борами. И прожитая в трудах и заботах жизнь показалась ему ничемной.

Вдруг над головой захлопало, защёлкало — на макушку берёзы опустился краснобровый глухарь. Посыпались на старого лесовода золотые орденасияющих листьев...

На обратном пути, около посёлка, Василий Матвеевич неожиданно встретил мальчонку со штыковой лопатой на плече. Поинтересовался, пряча в седых усах лукавинку:

— Кладонскатель?!

— Есть мне время по чёртовым куличкам шастать, — с достоинством ответил мальчонка. — Кедр во дворе одуплел. За саженцем иду.

— Молодец, сибирячок! — похвалил старый лесовод. — Умное дело затеял. — И посоветовал: — Сажай так, чтобы веточки в те же стороны света смотрели, что и на родном месте, иначе не приживётся. Заметку сделай — лоскуточек привяжи, прежде чем выкапывать.

Сказал — и привиделся отец в солдатской шинели, шагающий вдоль шеренги стройных берёзок.

* * *

Скоро ударят морозы. Потревоженные снегирами, затилинькают волшебными колокольчиками на рябинах остекленевшие гроздья. Медленно оседа на сугробы, замельтешит в небе звёздными мошками летучая изморозь. И однажды в лунную ночь выскочит на весёлую полянку заяц, вывернет рогулиной уши и замрёт среди огромного хвойного мира, очарованный тихим журчанием живой воды. Ухнет в ельнике филин, ойкнет косою от страха и покажется, от беды подальше, по набитой тропе, высекая голубые искры снега.

ЛЕБЯЖЬЕ ПЁРЫШКО

РАССКАЗ

В. Г. Распутину

1

Деревушка Боярова скорбно притихла, даже избы, кажется, сморщились от горя. Начался падеж скота. Нечем кормить. На березовых и талиновых прутьях да на пихтовой лапке отощавший скот навряд ли дотянет до первых проталин. Конец апреля, а вокруг лежит снег. Неспроста осенясь лист на осинах начал краснеть и опадать с нижних веток.

Прошное лето стояла несусветная засуха — травы и хлеба выгорели. Колхозники не токмо луга и лесные плешины, каждый кустик литовками обшоркали. Зимущку колхоз обманул благодаря пламенному уполномоченному из района. Нагрязнул ушырь еще в январе, насильно отполовинил на поветях небогато накошенного сена у беззащитных сельчан для колхозных симменталок, а почерневшему от забот председателю колхоза Григорию Красноштанову пригрозил: “Не сбережешь стадо, посажу!” Недавно умер Сталин — затаялся крепостной народ, гадает шепотком: куда повернет страна?

Обнищавшая деревушка, плача кровавыми слезами, режет голодных коровенок, справляет поминки по мудрому вождю, объедается коствявой свежениной — чем добру пропадать, пусть лучше пузо лопнет...

Константин Бобряков, высокий и сухопарый чалдон средних лет, тоже крепко задумался. Уставился печально на сторбленную, начавшую линять коровенку Ночку. Доела сегодня последний клок сена. Жалобно мычит, с укором пялится на поджарого хозяина огромными голубоватыми озерами, в которых отражаются чирикающие на голой черемухе воробьи. Ночка давно бы убежала в лес, нашла себе корм, да брюхо не дает. Вот-вот должна отелиться. Константин неделю назад зарезал лончака. Неужто и коровенку придется пускать под нож?

— Охо-хо... — тяжело вздохнул чалдон.

Почесал Ночку за ухом, коровенка благодарно махнула плешивым хвостом, мотнула рогатой головой: рановатенько, дескать, меня жизни лишать — ишь, я какая резвунья! Ребра выступили на ее боках, будто еловые кокоринны на лодке. Ключьями висит бурая шерсть. Константин приложил мозолистую ладонь к раздувшемуся брюху Ночки и почувствовал толчки теленка. Понял: рука на коровенку не поднимется, да и жена Прасковья резать не даст, будет насмерть стоять за кормилицу. К горлу чалдона подкатил горький комок: где тонко, там и рвется...

— Тятя, глянь-ка за реку, — пропищал десятилетний Тольша, крутившийся около Ночки, обирая шерсть: скатает её с хозяйственным мылом — получится мячик. Проталины все равно когда-нибудь появятся — надо приготовиться к лапте. В латаной-перелатаной кургузой телогреечке он был похож на зуйка с подбитым крылышком.

Константин бросил взгляд через мощенную почерневшим льдом Лену и ничего особенного не приметил.

— Глянь, глянь! — хитро прищурился сын.

— Ну, гляжу. Чего дальше? — начал сердиться отец. — Делать мне больше нечего, за реку шары пучить?

— Травку видишь? — показал Тольша на прыгавший мутными клубками по валунам вскрывшийся ручей: там на солнечном склоне обильно желтела ветошь.

Тут до Константина дошло, о чем толмачит сын. Чуть не захлебнулся от радости. Повелительно окликнул жену, сметавшую в кучу березовым голиком сенную труху на повети:

— Парасковья, иди-ка сюда!

— Что случилось? — испуганно высунулась та в проем.

— Посмотри, что он творит! — отец грубовато схватил Тольшу за воротник. — Мало его за это... расцеловать! Такое богатство у деревни на виду, и никто, окромя нашего огольца, не заметил!

Собрались на дорогу так быстро, что нищий бы не успел подпоясаться.

Бобряков тянет на лямке легкие дровни, через Лену шагает осторожно, постукивает ошатиной, боясь нарваться на подточину — подъеденный течением лед с обратки. Тольша едет на запятках дровней. Прасковья со старенькими — Васюхой и Маинкой — семят позади.

Добрались домой впотьмах. Прасковья, не отдыхая, тут же насекла мелко ветоши топором на чурбане, бросила горстку мучки, молотой из зяблого ячменя, подсолила и запарила.

— Ешь, Ночка... Ешь, кормилица наша...

Константин не чуя ног метнулся к председателю колхоза. Обрадовал с порога:

— Благие вести принёс тебе, Гриша!
— Что за вести такие, аж лица на тебе нет? — Красноштанов дрожащей рукой прибавил огня в керосиновой лампе. — В дугах оглобли расцвели?
— Лебедей сегодня видел. Летели над Леной кликуны и обронили перышко...

— Хорошо, что не вёроны, — перебил Григорий. — Одно осталось, воткнуть твоё перышко кое-куда и вон из деревни, пока не арестовали. На хрена я председатель согласился? Спал бы сейчас спокойно. И животи́на бы в хлеву цела была, и ребятишки сыты. — Он свез своё сено на колхозный двор ещё зимой, а симменталку отдал за бесенок рабочим лесоучастка, готовившим дрова для пароходов Лензолотофлота.

Константин ухом не ведет, гнет своё:

— Покружилось, покружилось перышко, опустилось в распадок за рекой и обернулось... травкой-муравкой...

Григорий обозлился:

— Хватит шутки шутить, тут и без них тошно! В детство ударился?

— Я и не шучу, ёлки-моталки, — обиделся Бобряков. — Вполне серьёзно говорю. Были сегодня с Парасковьей на той стороне, добрый возок ветоши серпами нажали.

— Да ну?! — вскочил Григорий с лавки и проворно сдернул с гвоздя выдавшую виды телогрейку. — Пойдем, глянем, что там у тебя за травка-муравка...

Назавтра от мала до велика были брошены на заготовку ветоши. Платали её от зари до зари, пока лёд позволял переходить через Лену.

— Доживем до выпаса! — ликует председатель колхоза. — Спас ты меня, Костя, от каторги. Век не забуду.

— Вон кого благодари, — кивнул Бобряков на Тольшу. — Он меня надушил, а его — Господь.

— Рассказывай сказки про лебяжьи перышки! — не поверил Красноштанов.

Наконец-то тепло, принесённое лебедями-кликунами, взяло своё. Над изъеденной промоинами Леной мельтешат чёрные букарицы — вестницы близкого ледолома. Оголившийся камешник пахнет прелой тиной. По каменистым берегам снуют взбродку кулики-перевозчики. Осунувшиеся за зиму ребятишки шалят, просят нарочито жалобными голосочками:

*Куличок, куличок,
Посади на хвосток,
На хвосток, на хвостик —
На воздушный мостик,
Отвези за речку,
Положи на печку,
Дам тебе ракушку —
Каменное брюшко,
Дам тебе улитку,
Шелковую нитку!*

В буераках распустило сугробы. Поля обнажились. Деревушка Боярова готовится к посевной. У Бобряковых на завалинке внезапно проклюнулась зелёная травка — и на утренней зорьке отелилась Ночка.

Проснулся Тольша от суеты в избе. Распахнул глаза — теленочек посередке горницы стоит. Качается на тонких дрожащих ножках — копытца разъезжаются по половицам. Буренький, с лебяжьим перышком во лбу. Повскакала с набитых соломой потников бобряковская мал-мала, окружила чудушко.

— Бычок!

— Не, телочка! Это же пупок под брюшком висит...

— Имя надо дать!

Родители переглянулись и решили:

— Пусть Тольша даст. Он же спас Ночку.

— Травка, Травка... — зарделся парнишка от смущения, поглаживая теленочка по мягонькой шерстке.

— Мама, лебеди! — завизжала Маинка, запрокинувшись в небо, где, загребая солнечную синь сверкающими веслами, плыла пара кликунов.

Отец замахал им шапкой:

*Лебеди, лебедушки —
Молодцы, молодушки,
Сбросьте с неба перышко
На лужок, на полюшко,
На раздолье вербное... —*

Тольша подхватил пискляво:

*Будет лето хлебное,
Травостой сочными,
Реченьки молочными!*

Лебеди как будто услышали древнюю закличку, обронули перышко. Все замерли от удивления. Кружило, кружило оно и опустилось в распадок.

Первой опомнилась Прасковья. Перекрестилась:

— Слава Богу, тепло принесли...

На солнпеке, чуть ли не под каждой сосной, апрель щедро рассыпал голубые пушистые звездочки с золотистыми шмелями в середке.

— Подснежники?! — оживился Васюха. — Тятя, нарвать бы, ружье почистить. Дуло-то, поди, насквозь проржавело?

— Успеем, почистим, — успокоил отец хитрющего Васюху. — Больше не тронь ружье, вздую.

Цокая, скользнула винтом вверх по дремучей ели ушастая белка, кувыряясь, посыпались наземь мелкие чешуйки коры. Мелькнуло голенькое брюшко с титечками — лесная проказница проворно шмыгнула в гайно, покормить молочком затаившихся бельчат.

Заглядевшись на нее, Константин наступил разбухшим ичигом на кладку пятнистых яичек стронутый шумом с гнезда рябчихи — и не заметил. Хрустнули они под тяжелой ногой, как сухая сосновая шишка. Замерло все вокруг, насторожилось. И эта внезапная тишина отозвалась в душе чалдона смутной тревогой.

— Наросло у воды травки, — приговаривает Прасковья, ловко срезая серпом пучки ветоши. Выбирает ветошь с зеленцой, такую Ночка будет есть охотнее. — Вот удача так удача!

— Подвезло, — соглашается Бобряков. — Дивно травёнки. Выше по реке богатистее должно быть, там распадки, помнится, пошире и поположе.

Серпы у родителей в руках так и ходят, так и ходят, словно журавли свадебный танец исполняют.

Ребятишки стаскивают ветошь вязаночками к дровням. Особенно старается Тольша. Васюха и Маинка одну ходку делают, он — две...

Солидный возок получился! Ветошь на дровнях, как положено, прижали бастрогом, чтобы по дороге не растерять.

Константин и Прасковья впряглись в коренники, Васюха и Маинка — в пристяжные. Тольшу на возок посадили — умаялся парнишка.

Катятся дровни по льду, шебуршат, а Тольше кажется — ветер свистит в ушах. И не отец это совсем, не мать, не Васюха с Маинкой несут его по раздольной Лене, а четверка борзых лошадей. Ржут залиvisto, летят выше леса стоячего, выше облака висячего. Даже страшно стало — разобьют же! Тольша натягивает вожжи что есть моченьки:

— Тпр-р-ру-у-у...

Остолбелла четверка. Смотрит растерянно на лихого возницу — не поймет, в чем дело. Она, оказывается, и не собиралась превращаться в борзых лошадей! Вон Васюха в носу ковыряет, Маинка к матери прильнула, хнычет — есть просит.

Отец оглядел возок и погрозил:

— Не балуй, иначе пешком побежишь...

В июне Ночку было уже не узнать: сгладилась, порезвела. Вечером приходила домой с раздутым выменем, требовательно мычала: подставляй поддойник, хозяйка, иначе прольется молочко на землю! Была Ночка коренной сибирячкой. Небольшенькая и неприхотливая, не то что привозные дылды — симменталки. Давала всего-то ведро молока в день, но какого! Налей в бутылку, поболтай — тут же комочки масла всплывут. Разведи это молоко в три раза, и все равно оно будет жирнее, чем у хваленых обжористых симменталок.

Как и все сельчане, Бобряковы сдавали молоко государству. Прасковья уносила почти все на колхозный сепаратор, а возвращалась с пустым обратом, от которого у ребятишек в животе черти наперегонки бегали.

2

Перед самым сенокосом Тольша опять удивил родителей. Прислала племянникам тетка Анна из Бодайбо несколько мотков крепких фельтикосовых ниток и коробку рыболовных крючков — большая редкость в послевоенщину. Достала где-то, как-никак председателем райисполкома работала, золотыми приисками руководила! Накрутили Васюха с Тольшей закидушек, накопали червей — и айда на шитике за реку. Угадали на ход ленков, наловили — девать некуда! Вверх по Лене, прижимаясь к берегу, шлепал пароходшко, порожние баржонки тянул.

Капитан крикнул в рупор:

— Рыба есть, мужики?

— Есть! — заорали дружно ребятишки, хвастая крупными ленками.

Капитан отдал якорь и выехал на баркасе. Жадно глядя на радужных рыбин, спросил:

— Почему продаете?

— На животное масло меняем, — не растерялся Тольша.

Покупатель оказался умным и добрым человеком, отвалил пять килограммов топленого — ленки этого стоили! — и новое эмалированное ведро. На прощание культурно пожал рыбакам руки и похвалил:

— Ушлые чалдонята! Молодцы! Маслице государству сдадите, а сами парное молочко будете попивать. Да... Хочешь жить — умей вертеться...

Пароходшко дал тоскливый гудок и пошлепал дальше. Ребятишкам стало не до рыбалки, как бы масло домой доставить.

За ужином отец внимательно посмотрел на мать и строго спросил:

— Когда Тольше обнову справишь? Сколько можно ему Васюхины обноски донашивать... С маслом-то нас выручил, взрослый бы мужик не подумался.

Мать, как бы оправдываясь, ответила:

— Конечно, уважить надо! На месте не посидит: то дикого лука с острова принесет, то щавеля — гостинцы младшеньким. Травку раскормил, в калитку телушка не влазит. Каждое утро клевер ей с луга таскат. Будут ему новые штаны и рубаха к школе. Я уже и материю в сельпо приглядела.

Сдержала слово Прасковья, а Константин, впридачу к обнове, ловконькие ичижки сшил, медные колечки до блеска золой начистил и к сыромятным оборкам привязал. Приоделся парнишка, в классе девчонки так и ахнули от восхищения!

В разгаре уборочная. Родители от темна до темна пропадают в поле. Изба у старшеньких на плечах. Васюха учится с утра, Маинка — с обеда: попеременно по хозяйству хлопочут, с младшенькими нянчатся. Надо и Тольше пользу приносить, чтобы никто куском хлеба не попрекал. А то Маинка чистит картошку — и на него недовольно косится, Васюха колет дрова — сердится: отойди, полено в лоб захотел?

Отправился в лес после школы бурндуков из рогатки стрелять. В приемном пункте “Заготживсырье” бурндуцьи шкурки на заячьи петли меня-

ют. Нынче мыши в стогах дружно гнезда вьют — к глубоким снегам. Зайцы тропы наторят, петли и пригодятся! Лончака Бобряковы весной съели, некого на зиму забивать. Вот и будет зайчатина добрым подспорьем в большой семье. А на заячьи меха можно новое ружье и провиант отоварить — белку, боровую птицу промыслить. Там, смотришь, сохатый или медведь подвернутся. Собаки-то у отца — шустрые, шибко зверя держат. Вон уже бурндука загнали на дерево. Гремят — за рекой отдается! Подошел, высмотрел добычу, стрелил камешком — зверек полетел вниз и застрял между веток. Полез Тольша за ним на елушку, уделал в смоле обнову. Дома от матери, вместо благодарности, взбучку получил. До полуночи одежонку отстирывала.

Утром Тольше в школу идти — штаны не высохли, а запасных нет. Пришлось остаться.

На завтра идет чин-чинарем в школу мимо ограды учителя — галифе на бельевой веревке висят. Недолго думая, развернулся взадпятаки.

После уроков к Бобряковым заглянул учитель.

— Почему вчера, Анатолий, уроки пропустил?

— Мамка штаны стирала.

— Сегодня что за причина?

— Я пошел, а у вас в ограде галифе сохнут. Думал, тоже в школу не пошли...

Учителю смешно. Кое-как пересилил себя, нахмурился:

— Чтобы это было в последний раз, иначе родителей в известность поставлю. И заруби себе на носу: у меня пара галифе, одни — ношу, другие — сохнут. Понял?

— Понял... — виновато опустил голову Тольша.

Вот и широкой поступью шагнуло по Ленскому краю ведренное предзимье. Озорные утренники щедро подшивают к остывшим берегам прозрачный залёдок. Молодежь спозаранку глушит деревянными колотушками налимов, собирающихся по ночам на отмелях. Проворные чалдонки пекут в избах рыбные пироги из муки первого помола. Ешь да не жирей, будешь здоровей! Наученные пламенным уполномоченным прошлой зимой, сельчане припрятали сенишко в лесу. Своя рубашка ближе к телу! Колхоз, утонувший по маковку в долгах, семью не накормит.

У теплолюбивых симменталок удои заметно поубавились, а Ночка продолжала давать ведро молока в день. Чистенькая, мохнатенькая. Рога — острее шила. Подденет зверя такими — мало не покажется! Подстать ей и Травка: пушистенька, крепко сбита. Рожки на голове как две куколки. Отъелась на Тольшиных клеверах. Не случайно к Бобряковым заглянул на огонек председатель колхоза.

Поговорил о том о сём и, смущаясь, выложил:

— Не продашь ли, Костя, телушку? Я бы постепенно рассчитался. Как ни крути, местную породу в личном хозяйстве выгодней держать. Мороз не мороз, снег не снег — везде себе корм добудет.

— Хм... — Константин полез в карман за кисетом. — Тольшу надо спросить.

— Чего?! — опешил Григорий. — У тюни-матюни молоко на губах не обсохло взрослые вопросы решать.

— Молоденек, да дороже денег! — рассмеялся Бобряков. — Правда, Парасковья?

— Правдой некуда, — согласилась та. — Он же Травку поднимал: кормил и поил...

— Ну что, Тольша, решай, — отец был уверен, что сын не отдаст телушку ни за какие коврижки — придется уговаривать, но ошибся.

— Ты же, тятя, вместе с дядей Гришей на фронте в разведку ходил! Отдадим ему Травку, — рассудил парнишка. — Ночка еще теленочка отелит... — И деловито поинтересовался у председателя колхоза: — Сенца-то себе накосил?

— Что я, бык — сено жевать? — так и покатился Григорий. — Не волнуйся, накосил! — По-медвежьи облапил Тольшу, чмокнул в щеку: — Ле-

нинская голова! Хоть сейчас в министры сельского хозяйства назначай...

Отец вышел на улицу проводить гостя за калитку, Тольша тут же, под хихиканье старшеньких и младшеньких, стал допытываться у Прасковьи:

— Мамка, мой тятка — Ленин?

— Бог с тобой! — испуганно перекрестилась мать. — Дедушка Ленин давно в мавзолее лежит.

— Почему тогда дядя Гриша назвал ленинской головой?

— Башковитый, значит, — объяснила мать.

3

Сколько весен отжурчало с тех пор, сколько листопадов отшелестело! Лебеди-кликуны так больше и не появлялись над извилистой Леной. Кружат в небе вороны, высматривая добычу. Деревушка Боярова по самые окна вросла в землю. От беспросветной нужды разбежалась последняя молодежь куда глаза глядят. Разлетелась по белу свету и семья Бобряковых. Спят беспробудным сном на постепенно зарастающем рябинником погосте изработанные до срока Константин и Прасковья. Навещая могилки родителей, Тольша не обходил стороной и сиротливый огонек в окне Григория Красноштанова — дети разъехались по городам, редко навещают отца. Побелевший и усохший, бывший председатель колхоза всегда рассказывал одну и ту же историю про лютую бескормицу, подкараулившую чалдонов в год смерти Сталина:

— Спас меня Константин от живой тюрьмы. Царствие ему Небесное и его благоверной супругнице Парасковье... Ой, жница была! Серпом владела, никто угнаться не мог, окромя твоего тятки. Красивая пара была!

Тольша слушал старика, и плакала душа от светлых слов о родителях. В памяти вставал, как знамение будущего благополучия, теленочек на тонких дрожащих ножках — копытца разъезжаются по половицам. Буренький, с лебяжьим перышком во лбу — Травка!

Не успела она попить парным молочком красноштановских желторотиков. В хрущевскую "оттепель" лишний скот держать сельчанам запретили, а местную породу объявили вне закона, чтобы не разжижала благородных кровей симменталок. И Ночка, и Травка, и другие коренные сибирячки навсегда исчезли с лица отчей земли.

В начале горбачевской перестройки помер и Григорий Красноштанов с вещими словами на устах: "Козыри свежи, а дураки — те же..."

Заходить на огонек стало не к кому.

Сегодняшняя Россия так похожа на коровенку Ночку, чуть не павшую в ту далекую весну от лютной бескормицы. Разница лишь в том, что Ночка носила в себе теленочка, а эта — выпотрошена.

Вот уже и Тольша поседел, но все еще верит: обязательно пролетят над обманутой страной лебеди-кликуны, обронят заветное перышко. Главное — не забыть передать внукам древнюю закличку.